ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 002. 704.2

А.Г. Веселовский
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор А.И. Иванов

ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБСЕЛЬКОРОВСКОГО ДВИЖЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКИХ ГАЗЕТ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ)

На основе публикаций в тамбовских газетах 1920-х гг. в статье исследуется роль внештатных корреспондентов провинциальных СМИ как добровольных помощников редакций. В статье анализируются особенности отражения в региональной прессе таких событий, как: тамбовское крестьянское восстание (так называемая «антоновщина»), набег корпуса Мамонтова, а также социальных и бытовых проблем российской глубинки в первые годы Советской власти и Гражданской войны.

Внештатные корреспонденты, Гражданская война, налет Мамонтова, Тамбовское крестьянское восстание, герои, бандиты.

The article studies the role of supernumerary journalists of provincial media as volunteers of editorial offices based on publications in Tambov newspapers of the 1920s. The paper analyzes the character features of such events as Tambov peasant's uprising (called "Antonovschina"), Mamontov corps' raid, as well as social and domestic problems of the Russian province in regional media in the first years of Soviet system and the Civil War.

Supernumerary correspondents, Civil War, Mamontov's raid, Tambov peasant's uprising, heroes, bandits.

По устоявшейся традиции началом рабселькоровского движения принято считать 1921 – 1922 гг. Однако исследование тамбовской периодики показывает, что уже к середине 1919 г. внештатные корреспонденты играли существенную роль в предоставлении информации, в том числе из дальних уездов и волостей. Их помощь была особенно важна для региональных изданий, где при еще не сложившейся системе СМИ большинство сел и деревень оставались вне информационного поля. К этому времени тамбовские редакции уже применяли многие формы и методы работы с авторами («обратная связь» на страницах газеты, кружки и семинары при редакциях и т.д.). То есть рабселькоровское движение приобрело основные черты еще в период Гражданской войны, хотя и не было многочисленным.

Действительно, корреспондентов, добровольно сотрудничающих с редакциями, тогда было немного, и в этом заключалось основное отличие от рабселькоровского движения второй половины 1920-х гг. Больше было тех, кто делал это «добровольно-принудительно» по заданию парткомов и профкомов. В январе 1919 г. в газете «Известия Тамбовского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов» (далее в тексте – «Известия губсовдепа») вышло объявление: «Редакция Известий предлагает Исполнительному Бюро Тамбовского отделения В. С. Учителей Интернационалистов делегировать одного представителя в редакцию для переговоров о сотрудничестве и представительстве в Редакционную Коллегию» [1919, № 7, с. 4].

Таких «представителей» для сотрудничества с редакциями делегировали и другие союзы, вузы, наиболее крупные предприятия. Из столицы присылались указания увеличить число партийных помощников прессы: «Между парткомами и редакциями должна быть создана самая тесная связь… По соглашению с редакцией систематически привлекать к участию в газете партийных работников в порядке партийной дисциплины» [3, с. 240]. «К сотрудничеству в газете привлекать, в порядке партийной дисциплины, всех местных ответственных партийных, советских работников» [4, с. 243].

У многих коммунистов корреспондентская работа считалась партийной нагрузкой. Вот как описывал этот сложный период тамбовский журналист Семен Евгенов: «Тогда были рабселькоры разные – назначенцы, выдвинутые администрацией или «нагруженные» партийными ячейками, – последних иногда именовали парткорами или даже «ячкорами». Были и выборные. Как правило, и назначенцы и выборные заходили разок – другой в редакцию, «становились на учет», но лишь немногие из них начинали писать в газету. По настоящему горячо брались за дело только добровольцы, приходившие по собственному желанию, по влечению сердца» [2, с. 2 – 3]. Тем не менее, именно «назначенцы» присылали из уездов сообщения, из которых в губернской газете формировались рубрики «Вести из уездов» и «Вести из деревни».

Следуя ленинскому призыву давать «возможность рабочим писать в нашу газету», весной 1919 г. газета «Известия губсовдепа» опубликовала статью «Печатное слово как могучее орудие пропаганды», которую можно считать базовой для старта рабселькоровского движения в губернии. В низовые парторганизации было спущено указание создавать сеть

внештатных авторов из рабочих и крестьян. «Необходимо, чтобы в освещении всех сторон жизни принимали участие широчайшие массы. Для этой цели нужно устроить и поместить во всех заводах, на железной дороге, в частях Красной Армии ящики, куда должны опускаться записки, письма, статьи. Этот материал будет поступать в редакции и получать освещение на страницах газет» [1919, № 115, с. 1]. Как показывает анализ номеров «Известий губсовдепа», эти призывы были поддержаны. Подборки заметок в рубриках «Из писем читателей и «Письма в редакцию» стали выходить почти в каждом номере и занимать гораздо больший объем, хотя под них отводилась всего шестая-восьмая часть 4-й полосы.

Количество внештатных корреспондентов в 1918 – 1921 гг. росло медленно. Семен Евгенов вспоминал это время: «Рабкоры у нас самих насчитывались тогда единицами. В наших крохотных двухполосных, а то и стенных – для расклейки – газетах все внимание было сосредоточено на сводках, поступающих с многочисленных фронтов, включавших собственный наш Укрепрайон, на борьбе с контрреволюцией и саботажем, на борьбе за хлеб и топливо, для рабселькоровских заметок почти не оставалось места, а ведь главное в привлечении рабкоров – это печатать их» [2, с. 2 – 3]. Действительно, местные статьи и заметки занимали не более трети каждого номера. Но в материалах и журналистов, и внештатников чувствовалось, что идет Гражданская война.

Губернской информации на военную тему вначале выходило немного, обычно это были заметки, такие как «Герой – кирсановец», опубликованная летом 1919 г.: «Кирсановским уездным военным комиссариатом получено официальное сообщение о геройской смерти кавалериста 4 эскадрона 1-го Алатырского полка из граждан села Бибикова Кирсановского уезда Захара Маркина. Погиб он на Южном фронте, в бою 15 апреля. Т. Маркину было дано ответственное поручение пробраться через цепь Кубанских казаков и доставить своему командиру экстренное донесение. Исполняя это поручение, т. Маркин пал смертью храбрых под градом казачьих пуль». Далее напоминание местным советам «озаботиться выдачею малолетним детям т. Маркина пособия… до их совершеннолетия» [1919, № 115, с. 4].

Самым значительным эпизодом Гражданской войны в Тамбовской губернии был захват ряда городов казачьим корпусом генерала К.К. Мамонтова. О том, что налета на город ждали, видно из местных газет, где вместе с журналистскими были напечатаны и призывы внештатных авторов. Так на первой полосе «Известий губсовдепа» опубликовано обращение к горожанам тамбовского рабочего, мастера П. Громова: «Товарищи рабочие и крестьяне! Неужели мы допустим этого кровавого царского палача уничтожить все наши завоевания, неужели капиталисты и попы снова заберут нас в свои лапы, неужели мы допустим их задушить нашу свободу?… Мы должны еще крепче спаяться, напрячь все свои усилия, ударить грозной волной на белогвардейские банды и победить, победить во что бы то ни стало! К оружию! Все на защиту наших завоеваний!» [1919, № 184, с. 1].

Следующий 185 номер вышел через десять дней – 28 августа, когда город оправился после боев, массовых убийств и грабежей. Он состоит всего из двух полос, но и на них размещены сообщения внештатных корреспондентов. За подписью *Очевидец* вышла заметка «Казаки – «товарищи» о том, как белогвардейцы зашли в дом тамбовского жителя и оштрафовали хозяина на 500 рублей, когда он случайно назвал кого-то из них словом «товарищ». Для редакционной статьи «Пребывание деникинских банд в г. Тамбове» материалы собирались тоже при участии внештатников: «Под свежим впечатлением кошмара насилия, грабежа и разрушения ценностей и народного добра мы пишем эти строки, собираем материал о пребывании белых банд в Тамбове». В ней рассказывается про убийства и грабежи складов, сообщается, что обнаружено 25 трупов евреев, приводятся факты изнасилования казаками девушек. [1919, № 185, с. 2]. Еще в двух номерах шли описания бесчинств казаков и обличения несознательных граждан, участвовавших в грабежах и покупавших у мамонтовцев муку и сахар. Внештатники сообщали о пострадавших людях и организациях. Корреспондент С. рассказывал, как расправились казаки с книжным складом и бухгалтерией Губагентства «Центропечать», где было все «изодрано и переломано». Другой внештатник писал, что у него на глазах на улице грабили женщину – снимали серьги [1919, № 186, с. 3].

К 1921 г., когда в губернии шли боевые действия по усмирению взбунтовавшихся крестьян и по Тамбову ходили тревожные слухи, «Известия губсовдепа» стали печатать сообщения об арестах антоновцев и их явках с повинной. Появилась рубрика «Борьба с бандитами». Типичная подборка таких материалов вышла в апреле 1921 г.: «Бандиты продолжают срывать посевную кампанию» – о том, что под Мучкапом был убит выехавший в поле крестьянин, и «Явка бандитов» – в Уваровский райревком явилось с повинной около 100 человек, «частью с оружием» [1921, № 88, с. 3]. Особенно актуальны стали такие материалы после опубликования документа: «Сдача оружия. Приказ Тамбовской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности», где было требование сдать стрелковое оружие в недельный срок, иначе «лица, укрывающие оружие, а равно бандиты и не доносящие о местопребывании таковых будут рассматриваться как бандиты и понесут самое суровое наказание по всем строгостям законов революционного времени вплоть до расстрела» [1921, № 89, с. 3].

Чтобы население считало мятежников бандитами, газеты собирали сведения об их жертвах, и внештатники в этом помогали. Подписавшийся Ив. Востр. прислал из Козлова заметку о похоронах 16-летнего «члена Р.К.С.М. при Козловском Упродкомиссариате тов. Грибоедова, погибшего честно на своем посту от руки бандитов в селе Екатеринино Козловского уезда». Как обычно в подобных заметках, далее шло подробное описание, как друзья героя клялись на могиле отомстить врагам, играл оркестр и гремел салют [1921, № 89, с. 3].

Губернская газета старалась не только давать сведения о жертвах этой войны и о ходе борьбы с Антоновским восстанием, но и печатать мнения обычных людей о повстанцах, разумеется, негативные. «Долой бандитов» – называется заметка, присланная корреспондентом из села Горелое. В ней приводится отрывок из резолюции общего собрания крестьян. «Мы никогда не пойдем на обольщение злостных соблазнителей. Для скорейшей ликвидации грабителей и разорителей нашего трудового хозяйства мы о всех их немедленно будем сообщать местной власти для скорейшего достижения мирного труда» [1921, № 89, с. 3]. После выхода приказа о сдаче оружия такие собрания прошли во многих селах, и внештатники сообщали о них в газету. В следующем номере появилась сходное сообщение из деревни Сомовки Новочеркутинской волости, крестьяне там обязались «не пускать в село бандитов» и «изгонять провокаторов, которые своими разговорами и делами подрывают власть рабочих и крестьян» [1921, № 90, с. 3]. Это было логично – не пускать повстанцев в село: сельчане не хотели, чтобы их «за недоносительство» приравняли к бандитам и расстреляли. Прошли митинги и среди красноармейцев: «Мы, красноармейцы Артдивизиона В.Ч.К., постановили: все как один объединиться в нашей семье – дивизионе и сильным железным кулаком обрушиться и раздавить раз навсегда ядро контрреволюции, стоящей во главе с бандитом Антоновым…» В другой заметке сообщение о том, что «курсанты 16-й Тамб<овской> военно-пехотной школы на своем собрании 20 – IV постановили отказаться от отпуска, предоставляемого им Гувузом. Время же свободное от занятий в школе использовать для участия в подавлении бандитского восстания» [1921, № 90, с. 3].

Красноармейцев показывали героями. Вскоре после выхода «расстрельного» приказа ЧК появилась заметка «Грачи прилетели». В Тамбов прибыли части для борьбы с антоновским мятежом, и обилие вооруженных людей испугало жителей. «Мелькают оживленные загорелые лица, слышится возбужденная речь... Среди них живая и наглядная история революционной борьбы: здесь победители Миллера, Колчака, Юденича, Деникина… Обыватели с вечно напуганными и постными лицами шепчутся и ехидничают: «Грачи прилетели!»… Да, обыватели, грачи прилетели! Ведь грачи – это символ весны. Появление наших коммунаров – это тоже символ весны, этой новой прекрасной весны человечества» [1921, № 113, с. 4]. О подавлении восстания поступала скудная информация, сообщалось, что в июне 1921-го банда Антонова разгромлена, а его сообщники уклоняются от сражений. Ходили слухи о сожженных селах, массовых расстрелах и взятых заложниках. Что среди них были сотни детей до 10 лет и об обстрелах крестьян хлорными гранатами, тамбовцы узнали только через 70 лет. Российский историк Юлия Кантор оценивает число убитых в Тамбовской губернии в 30 – 50 тыс., другие специалисты – в 90 тыс. человек [6].

Большевики демонстрировали непримиримость к врагам, но героев окружали заботой. Советская власть поддерживала красноармейцев и их семьи. На страницах «Известий» сообщалось, какую помощь им оказывают в том или ином месте. «В селе Пертове на состоявшемся волостном съезде был поставлен на обсуждение вопрос об оказании помощи семьям красноармейцев по ведению хозяйств». Решили создать комиссию для обследования подворий, «где семьи не могут своими силами справиться с хозяйством, организовать необходимую помощь общими средствами граждан» [1919, № 133, с. 4]. Этот материал вышел в 1919 г., но и в 1921-м продолжали публиковаться похожие письма, например, из Сасово: «Все семьи красноармейцев, не имеющие лошадей, прикреплены к более сильному крестьянству, которое будет производить обработку их земель» [1921, № 89, с. 4].

Люди жили в это время не только войной, они строили новую жизнь и пытались писать о своих успехах и недостатках. Вот материалы внештатных авторов, вышедшие в одной подборке летом 1919 г. Заметка «Примазавшийся» из села Сукмановка Борисоглебского уезда иллюстрирует отношение новой власти к «бывшим»: «В одну из трудовых школ Сукмановской волости ухитрился каким-то путем пробраться бывший помещик и одновременно земский начальник некто Есипов. Можно себе представить, как бы он стал воспитывать подрастающее поколение». Автор добавляет, что волостной совет уже «уволил его от учительской должности». Из села Бондари сообщают, что школам волости отведены «земельные участки для практических занятий учащихся огородничеством». В материале «Советская дисциплина» рассказывается о наказании, которому в Малой Талинке подвергли за пьянство председателя волостного исполкома: отстранили «от занимаемой должности, лишив его на два года избирательного права». В других заметках сообщается о мобилизации грамотных в Осиновой Лазовке и создании крестьянских артелей в селе Троицкие Росляи [1919, № 89, с. 4]. Так, всего за год существования этого большевистско-советского издания у редакции не только появился авторский актив, но и сложился формат подачи информации внештатников, который поддерживался в последующие годы. Обычно в таких подборках старались представлять обширную местную географию (в данном случае одновременно присутствуют заметки из-под Борисоглебска, из Бондарей, из Тамбовского уезда), и разнообразную тематику, включая как «положительные» примеры, так и «отрицательные».

С 1920 г. в материалах внештатников стало все больше лозунгов, призывов, советов. Вот заметка «Попы обирают»: «В селе Ивановка Тамб<овского> у<езда> духовенство сильно обирает крестьянство, пользуясь его темнотой. Был случай, когда у гражданина этого села Засыпкина умерла жена, и он пошел к священнику, но тот нагло потребовал себе платы вещами, отказавшись в противном случае хоронить. Пора бы крестьянам проснуться от поповского дурмана и перестать своим трудом откармливать паразитов-попов» [1921, № 88, с. 4]. О жадности священников писали часто, летом 1921-го вышла целая подборка материалов под шапкой «Революция и церковь». Автор *Зоркий* рассказывал о попе из села Ни-

кольское Тамбовского уезда. Священник установил таксу: за похороны или крещение – пуд муки, если ее нет, в долг с нового урожая уже 2 пуда. Так крестьяне задолжали ему 60 пудов. Вторая заметка схожа с первой, и село с тем же названием, только Кирсановского уезда. Там поп запросил за венчание 200 тысяч рублей. Автор *Зрячий* предлагает: чем платить попам, лучше отсылать деньги в помощь голодающим Поволжья [1921, № 178, с. 3].

Зоркий, Зрячий, Железнодорожник, Рабочий, Зритель… Эти рабкоровские псевдонимы в начале 1920-х можно было встретить почти в каждом номере. Больше всего таких подписей было под материалами о самоуправстве и безответственности. В заметке «Почему?» автор возмущен отказом чиновника на просьбу рабочих отдать им под огороды пустырь. Рядом материал «Вот это воспитательница», в котором рассказывается, как инструкторша Губнаробраза Гудкова отобрала у воспитанника детдома муку, которую он купил для своей семьи на деньги матери. «Рабочая семья этого мальчика сидит уже неделю без хлеба и, набрав последние гроши, купила себе пуд муки. И теперь вот эта мука лежит «до особого распоряжения», а семья голодает». Подписано: *Воспитанники*. В тексте подчеркивается, что мука была куплена «уже после издания декрета о свободном обмене» [1921, № 89, с. 4]. Еще недавно такая покупка считалась незаконной. Возможно, из-за этого инструкторша спрятала продукт, ожидая инструкций от начальства. А может, хотела поживиться за счет нищего воспитанника (в детдом отдавали детей, если те не получали достаточного питания в семье).

Частой была тема о задержке заработной платы, что было обычным явлением в стране, где из-за инфляции деньги обесценивались в считанные дни, на таких задержках чиновники делали себе состояния. Еще больше приходило писем о проблемах быта и санитарного состояния улиц. Вот некоторые из них. Заметка «О водопроводе» сообщает, что в центре города лопнули трубы и «уже больше 2 месяцев вода бьет, как из фонтана, и заливает улицу» [1921, № 131, с. 4]. Сигнал «Почему это допускают»: «По городу бешено носятся автомобили и несчастные случаи стали учащаться. Не так давно мне пришлось быть свидетелем тяжелой картины, когда бешено мчавшимся автомобилем был задавлен мальчик» [1921, № 172, с. 4]. Статья «Чье это дело?»: «Сломали у нас на базаре лавки, а ямы не засыпали: теперь туда валят что попало: навоз и мусор из выгребных ям, и кал и тому подобное» [1921, № 90, с. 4].

Из-за непродуманного распределения обязанностей между городскими структурами антисанитария стала серьезной проблемой, созданные большевиками множественные комитеты, отделы и подотделы старались перебросить друг на друга ответственность за каждую мусорную свалку, прорванную трубу или разрушающийся дом. Убирать грязь, отгребать снег и чистить русла рек пытались, привлекая к трудовой повинности бывших буржуев, священнослужителей и безработных. В сообщениях внештатников упоминалось, как в том или ином месте навели порядок руками этих людей. «В Спасске, по распоряжению уездного исполкома, местная буржуазия в возрасте 18 – 45 лет привлечена, в виде обязательной трудовой повинности к работам по очистке площадей, улиц и тротуаров» [1919, № 132, с. 4]. Но подневольный труд не давал должных результатов.

В эти годы в газетах начали появляться дискуссии между внештатными авторами о качестве заметок. В дальнейшем эта тема получит широкое распространение, особенно в специальном издании «Тамбовская рабселькория». В это же время стал использоваться и такой прием работы с внештатниками, как «обратная связь» редакции с селькорами и рабкорами в виде ответов на письма. Обычно такие диалоги происходили в разделе «Почтовый ящик»: «Отцу – Раз вы не указываете, о какой из школ идет речь, то какой же прок в вашей заметке?» «Мишину – ваше письмо направлено для расследования. Опилкову – Тоже» [1921, № 90, с. 4]. «Коммунисту А.В. – Нужно писать свою фамилию и адрес». «Томенткову – Ваше письмо направлено в Губчека» [1921, № 126, с. 4]. «Троиш – Ваше письмо направлено в Губздравотдел» [1921, № 131, с. 4].

На примере тамбовской прессы видно, что в период Гражданской войны рабселькоровское движение уже приобрело свои основные черты: внештатные корреспонденты поставляли информацию из глубинки, выявляли недостатки, учились «правильно» освещать события по идеологическим установкам. Материалы внештатников были более эмоциональными и «непричесанными» по сравнению с редакционными, в них есть подробности жизни и быта, которые трудно найти в других источниках (соотношения зарплат и цен, санитарное состояние улиц, отношение чиновников к обычному человеку, реакция людей на митинги, слухи и т.д.). Позже, когда рабселькоровские заметки стали обрабатываться более тщательно, они утратили эту наивную достоверность. Тем ценнее сохранившиеся материалы внештатников, написанные в первые годы Советской власти.

Литература

1. *Евгенов, С.* У истоков великого дела / С. Евгенов // Тамбовская правда. – 1968. – № 39.

2. «Известия Тамбовского Губернского Исполнительного Комитета Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов» (В тексте в скобках указаны номера газет).

3. «Об усилении местной периодической печати». Резолюция совещания секретарей обкомов, оббюро и губкомов при ЦК РКП(б). 27 – 29 декабря 1921 г. // О партийной и советской печати. Сборник документов. – М., 1954.

4. «О периодической печати». Циркуляр ЦК РКП(б) от 20 февраля 1922 г. // О партийной и советской печати. Сборник документов. – М., 1954.

6. Тамбовское восстание (1920 – 1921). – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Тамбовское_восстание_(1920–1921)